

ГЛАВА 17. СЛАБАК

В девяностые Сицзин напоминал одну сплошную стройку. Как говорилось в «Синем пламени», весь город тогда превратился в нагромождение лесов и разрытых котлованов. Лачуги напротив Басяньяня сносили, старые дома ломали, расчищая место под новые кварталы. В те времена на стройплощадках и слыхом не слыхивали о нынешних стандартах — никаких заборов из профнастила или аккуратных ограждений. Вобьют несколько деревянных кольев, натянут колючую проволоку — вот тебе и вся граница.

Зелёная школьная форма Лу Юньпина была слишком приметной. Издалека он казался огромным пластиковым пакетом, брошенным в кучу строительного мусора. Ли Ши поначалу просто заметил со спины знакомый фасон школы «Хуанхэ» и пригляделся. В этот момент Юньпин получил очередную зуботычину и рухнул лицом в грязь. Тут-то он и узнал его.

— Ох ни хрена себе! Это ж Пин-цзы!

Лу Юньпин поднялся, отплевываясь от грязной воды. Перед ним стояли пятеро, и все — знакомые лица. Когда они перехватили его у ворот школы, он сразу понял, к чему всё идёт. Сбежать не вышло бы, так что пришлось, скрепя сердце, позволить «конвоировать» себя на стройку. Поначалу он даже держался неплохо: у него с собой был складной зонт, который в разложенном виде заменял дубинку. Но против пятерых шансов не было. Зонт быстро отобрали, двое навалились, заламывая руки, и Юньпин, не в силах шевельнуться, принял на себя серию тяжёлых ударов в челюсть.

— Давай, назови меня дедушкой, и сегодня мы тебя отпустим. И впредь не наглей! — задира подошёл и отвесил ему пинок.

Он снова поднялся и в упор уставился на обидчиков. Те лишь расхохотались.

— Чего вылупился? Не бойся, если сделаем калекой — «дедушка» раскошелится на твои протезы.

Парень вытащил из кармана пять мао и бросил под ноги Юньпину. Тот процедил лишь одно слово:

— Долбоёб.

Противник ослабилась и шагнул ближе.

— Чего-чего? Не расслышал.

Лу Юньпин внезапно и резко впечатал кулак ему в лицо. Тот явно не ожидал отпора, едва не повалился, выругался и кинулся в драку. В этот момент над стройкой прогремело:

— Ли Хуэй!

Оба невольно замерли и подняли головы. Посреди стройплощадки, насквозь промокшие под дождём, стояли Ли Хуэй и Ли Ши. У ног Ли Хуэя корчился какой-то парень, зажимая руками разбитую голову. Всё произошло так внезапно, что нападавшие опешили.

Ли Хуэй направил обломок водопроводной трубы на тех, кто окружал Юньпина:

— Сюда иди.

Юньпину показалось, что парень, в которого целили трубой, ощутимо вздрогнул. Ли Ши, стоявший рядом, рявкнул:

— Мать твою, оглох?! Сказано — иди сюда!

Коротышка в чёрном дождевике попытался незаметно подобрать кусок кирпича, чтобы ударить Ли Хуэя сзади. Но стоило ему замахнуться, как Ли Хуэй, даже не оборачиваясь, резко отвёл трубу назад. Раздался глухой удар металла о камень, кирпич вылетел из рук коротышки, зацепив его самого по лицу. Он, не теряя секунды, добавил пинок в живот. Тот, взвывая: «Ублюдок!», покатился по земле. Хуэй молча подошёл и принялся методично вбивать его в грязь, нанося удар за ударом по лицу. Коротышка сперва огрызался, но вскоре перешёл на жалобный вой. Он продолжал бить, пока тот не затих, лишь прерывисто всхлипывая.

Никто не посмел вмешаться. Ли Ши и остальные просто оцепенело наблюдали за этой расправой. Ли Хуэй остановился, выпрямился и снова указал трубой на главаря группы.

— Сун Лэй. Подойди.

На ногах оставалось шестеро — трое на трое. Ли Ши выудил из рюкзака гибкий трос — метровый замок, купленный специально для его обожаемого велосипеда «Джаент». Сейчас этот замок обещал сослужить куда более внушительную службу.

Сун Лэй заметно струхнул.

— Ли Хуэй, не лезь не в своё дело. Нам нужен только Лу Юньпин.

Он не опустил руку.

— А мне нужен только ты. Подойди.

Сун Лэй явно хотел дать дёру, но за ним стояли его «братки». В их кругах потерять лицо было

страшнее смерти. Сделав шаг навстречу, он попытался сохранить горор:

— Ну чего тебе? У нас с тобой нет никаких тёрок.

Когда между ними оставалось шага два, Ли Хуэй резко сократил дистанцию. Труба с хрустом врезалась Сун Ляю в тазобедренную кость. Тот даже пикнуть не успел — просто рухнул в грязь. На этот раз двое оставшихся не стали стоять столбом и бросились на Хуэя.

— Куда поёрли, суки?! — взревел Ли Ши и обрушил трос на ключицу одного из них.

Лу Юньпин тоже пришёл в себя. Смахнув с лица грязь, он бросился вперёд и вцепился во второго.

Противник Ли Ши оказался хлипким: получив пару раз стальным тросом, он просто дезертировал со стройки. Он обернулся:

— Пин-цзы, отойди, я сам с этим разберусь!

Сун Лэй, валявшийся в грязи, чувствовал, как поясницу разрывает от боли. Кое-как откатившись в сторону, он поднялся и увидел, что все его товарищи повержены. Забыв о чести, он попятился, тыча пальцем в сторону того:

— Ли Хуэй, ты псих грёбаный! Наше дело ещё не кончено! Мой брат уже в курсе, он приедет и спустит с тебя шкуру!

Ли Хуэй с трубой в руках, распространяя вокруг себя почти осязаемую жажду крови, сделал шаг вперёд. Сун Лэй, спотыкаясь и едва не падая, попятился быстрее.

— Ли Хуэй! Посмотрим, как ты запоёшь, когда приедет мой брат!

Ли Ши уже уложил второго. Заметив, что Сун Лэй хромает — видимо, Хуэй приложил его на совесть, — он подошёл и придержал друга за плечо:

— Ли-гэ, забей. Отпусти его. — И тише добавил: — Сун Ган вернулся из Сяньяна.

Ли Хуэй даже не взглянул на Ли Ши. Он внезапно метнул трубу. Обломок, словно самонаводящийся снаряд, точно угодил Сун Ляю в затылок. Тот вскрикнул и, бросив попытки бежать, рухнул на колени, обхватив голову руками. Он неспешно подошёл к нему и присел на корточки. Какое-то время он просто смотрел, как тот хнычет, а потом слегка похлопал его по щеке.

— Сун Лэй, если ты такой слабак, то нечего и лезть в драки. А то тебе и десяток таких братьев, как Сун Ган, не помогут. Усёк?

Тот не смел ни пикнуть, ни поднять глаз.

Ли Хуэй поднялся, прошёл несколько шагов и подобрал те пять мао, что бросили Юньпину. Вернувшись, он прилепил монетку к окровавленному лбу Сун Лэя и мягко произнес:

— Не плачь. купишь себе конфет.

Лишь когда они были уже далеко, над руинами Басяньаня раздался истошный, захлёбывающийся крик:

— Ли Хуэй, я твою мать манал!

Когда тройца выбралась со стройки, уже начало смеркаться. Ли Ши утёр лицо от дождя и сплюнул:

— Душевно вышло!

Лу Юньпин покосился на Ли Хуэя, но в итоге обратился к Ли Ши:

— Как вы нас нашли?

— Мы с братом Ли-гэ шли в «Даши» партейку в бильярд раскатать, ну и увидели вас. Слушай, Пин-цзы, о таких вещах надо пацанам говорить. Ты чего один-то попёрся? Ясно же было, что тебя метелить будут.

— Я знал.

— Домой сегодня не ходи. Мать увидит в таком виде — её хватит инфаркт.

Юньпин коснулся щеки — лицо горело, саднило и пульсировало болью.

— Сегодня спрячусь, а завтра? Эти следы к утру не сойдут.

Они какое-то время брели под усиливающимся дождём, толкая велосипеды. Ли Ши предложил:

— Пошли ко мне, что ли.

— Чтобы твоя мать сознание потеряла? — возразил Ли Хуэй. — Иди домой. Я знаю, где пристроить Юньпина.

Лу Юньпин удивился, но спорить не стал — в душе даже кольнуло что-то похожее на радость. Он последовал за Ли Хуэем. Спустя полчаса они остановились на Западной улице, в переулке Люли. Фонарей в закоулке не было, и он казался чёрным провалом.

— Мы где? — не выдержал Юньпин.

Ли Хуэй остановился у одних из ворот, порылся в рюкзаке и выудил связку ключей. Отперев замок, он обернулся:

— Заходи и запрись изнутри.

Ворота были узкими. За ними шёл длинный, метра три, коридор-проход. Свернув направо, они оказались в крошечном дворике — одном из тех, что остаются после раздела больших старых усадеб. Внутри было всего полторы комнаты, а посреди двора торчал водопроводный кран.

Хуэй приткнул велосипед под навесом, зашёл в дом и зажёл свет.

— Проходи. Велик брось снаружи.

Комнатка была тесной. У окна — широкая кровать, рядом тумбочка, у стены — большой платяной шкаф с зеркалом. По центру стоял круглый столик и три складных табурета.

— Садись. Я сейчас воду согрею.

Пока Ли Хуэй возился на кухне, Лу Юньпин осматривался. На столе лежал тонкий слой пыли, но постель была чистой — похоже, здесь жили наездами. На тумбочке стояла фотография. Юньпин пригляделся, и в сердце словно вошёл игольный кончик — кольнуло едко и больно.

Вскоре Ли Хуэй вернулся с чайником и тазом.

— Умойся сначала. Потом лапши сварю, поедем.

Юньпин не нашёл слов, просто кивнул. Умывались и ели они в полном молчании. Когда с ужином было покончено, Ли Хуэй достал спирт:

— Давай обработаю?

Юньпин тут же вспомнил, как в прошлый раз ему чуть не приклеили туалетную бумагу к лицу, и поспешно замахал руками:

— Нет-нет, не надо! Я сам... как-нибудь так.

Ли Хуэй настаивать не стал. Он выложил на стол пачку сигарет. Юньпин узнал её — белая бумага без маркировки, лишь внизу алые иероглифы «Спецзаказ». Тот самый элитный «Мягкий Чжунхуа», который доставал Чэнь Кайюй.

— Твои вымокли, так что кури эти.

Когда сигарета была выкурена наполовину, Юньпин не выдержал:

— Слушай... я совсем слабо дерусь, да?

Ли Хуэй ответил честно, без тени жалости:

— Очень слабо.

— Понятно. Значит, если бы ты не пришёл, меня бы точно по стенке размазали.

— В таких свалках нельзя пытаться отбиться от всех сразу. Надо вцепиться в одного и бить так, чтобы остальные зассали. Создашь эффект — появится шанс свалить.

Глядя на его серьёзную мину, Лу Юньпин невольно улыбнулся:

— Надо же, целая наука — как быть гопником.

Ли Хуэй тоже усмехнулся, выпустив струю дыма. Юньпин смотрел на него, и внутри всё ныло от какой-то странной, зудящей тоски.

— Мы всё ещё... друзья?

Хуэй глянул на него как на идиота:

— Олух. Не были бы друзьями — ты бы сейчас на стройке валялся.

— Значит... ты больше не злишься?

Ли Хуэй покачал головой. Помолчал немного и добавил:

— Ты ведь и так уже всё понял, верно? Тот, кого я люблю — это мой брат.

<http://bllate.org/book/17478/1695332>